

DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.4

Семантика невыразимого в «Рассказе о семи повешенных» Л. Андреева

© М. Ю. Михайлова

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, 443099 г. Самара, улица М. Горького, 65/67.*

Email: marinamikhailova44@gmail.com

В статье определяется специфика семантики невыразимого в повести Л. Андреева «Рассказ о семи повешенных». Дается характеристика семантики невыразимого как функционально-семантической категории. Представлено описание аналитических и синтетических средств передачи семантики невыразимого. Определены четыре значимых результата изучения бытования элементов поля невыразимого в анализируемой повести. Выявлено, что маркерами невыразимого отмечены пять из семи персонажей Л. Андреева. Названы и охарактеризованы текстовые функции средств передачи семантики невыразимого: характерологическая, актуализации содержательно-концептуальной информации, актуализации средств выразительности, в частности, антитезы. Выявлено взаимодействие семантики невыразимого с лексемой, обозначающей мир инобытия – неведомый. Доказана гипотеза, что актуализация средств передачи семантики невыразимого обусловлена поставленными в повести задачами – важнейшими проблемами назначения человеческой жизни, взаимодействия жизни и смерти.

Ключевые слова: *семантика невыразимого, функционально-семантическая категория, антитеза, лексема «неведомый», мир инобытия.*

I

Данная работа выполнена в русле нашего исследования семантики невыразимого (СН) как функционально-семантической категории русского языка, располагающей собственным планом выражения – языковыми единицами, иерархически организованными на разных уровнях языка. Невыразимое активно исследуется учеными разных стран [12–14], различных наук: философии и семиотики [3, 8], литературоведения [1, 6], лингвистами [7, 9–10]. Несмотря на значительный интерес к СН, до настоящего времени кроме нашей небольшой монографии по теме [15] других специальных исследований данной семантики не было.

Предметом настоящей статьи является бытование средств передачи СН в повести Л. Андреева «Рассказ о семи повешенных». Нашей гипотезой было: повесть Л. Андреева посвящена важнейшей проблеме человеческого бытия, вопросам жизни и смерти, следовательно, это произведение может содержать маркеры СН. Наша гипотеза подтвердилась. Маркеры невыразимого сопровождают описание событий вокруг пяти персонажей (повешенных) – из общего количества семь.

Цель данной статьи – определить специфику бытования СН в данной повести Л. Андреева. Специфика проявилась в 4 значимых результатах: 1) обнаружении разноуровневых средств ее выражения (однословных и речений, синтетических и аналитических); 2) выявлении текстовых функций СН; 3) взаимодействии с семантикой предельно высокой концентрации ка-

чества; 4) участии лексемы, обозначающей мир инобытия (*неведомый*), в актуализации содержательно-концептуальной информации текста, антитезы текста (*жизнь – смерть*), опосредованном взаимодействии данной лексемы с СН.

II

С точки зрения структуры элементы СН в анализируемой повести представлены как 1) однословные, напр., *несказанный*; 2) в составе нечленимых сочетаний, напр., *без слов, нет слов*; 3) в составе сочетаний, описательных оборотов, напр. *не было таких слов, чтобы... для которых нет названия*. Следовательно, в повести Л. Андреева представлены синтетические (*несказанный*) и аналитические (*не было таких слов; для которых нет названия* и проч.) средства передачи СН.

III

С точки зрения текстовых функций в повести Л. Андреева маркеры СН выполняют 1) характерологическую функцию, описывая психологическое состояние различных персонажей повести. Примечательно, что при описании состояния перед казнью мужественных преступников – предводителя террористов Вернера и сына офицера Сергея Головина – применяются аналитические средства СН (*не было таких слов*), а при описании духовно умершего еще до казни, ставшего безвольным Василия Каширина применяются как аналитические, так и синтетические. При этом в описании последнего персонажа представлено наибольшее количество средств передачи СН, и все они содержат приставку или префикс *без*. Сравним:

(1) [Вернер перед казнью] *...с тем удивительным просветлением духа, которое в редкие минуты осеняет человека и поднимает его на высочайшие вершины созерцания... Словно шел по узкому, как лезвие ножа, высочайшему горному хребту и на одну сторону видел жизнь, а на другую видел смерть, как два сверкающих, глубоких, прекрасных моря... Он не пытался, как прежде, запечатлеть словами увиденное, да и **не было таких слов** на все еще бедном, все еще скудном человеческом языке [2, с. 419–420].*

(2) [Сергей Головин в камере перед повешением] *Не было таких понятий в его человеческом мозгу, **не было таких слов** на его человеческом языке, которые могли бы охватить увиденное [2, с. 412].*

Ср. с описанием состояния ставшего безвольным Василия Каширина. Недавно отважный Василий Каширин в камере смертников воспринимает себя безгласной вещью, временами испытывает нестерпимое желание кричать без слов:

(3) *За мгновение бывший воплощением воли, жизни и силы, он становится жалким образом единственного в мире бессилия, превращается в животное, ожидающее бойни, в глухую и **безгласную** вещь, которую можно переставлять, жечь, ломать [2, с. 414].*

Значение безволия подчеркивается и другим префиксом с семантикой отрицания, отсутствия в данном текстовом сегменте – содержащимся в лексеме *бессилие* (*бес-*). Ср. также:

(4) [На суде Василию Каширину трудно не показать судьям ужас ожидания смерти] *Самое страшное было для него, когда являлось вдруг нестерпимое желание кричать – **без слов**, животным отчаянным криком [2, с. 381].*

2) Средства СН в художественном пространстве повести выполняют функцию актуализации содержательно-концептуальной информации в понимании И. Р. Гальперина, см.: [4], см. примеры (1), (3).

3) Элементы поля невыразимого входят в состав средств выразительности. В художественном тексте часто встречается сочетание эпитета *несказанный* с лексемами, обозначающими чувства, эмоции, например:

(5) *Как-то к вечеру, когда зажгли огонь, Цыганок стал на четвереньки посреди камеры и завыл дрожащим волчьим воем. ...выводил тщательно каждую ноту в этом зверином вопле, полном **несказанного ужаса и скорби*** [2, с. 395].

4) Будучи эпитетом, элемент поля невыразимого *несказанный* в повести Л. Андреева выполняет функцию актуализации антитезы, ср.: *несказанный ужас – несказанная радость*:

(5) [Разбойник Цыганок (не террорист) в ожидании казни воет:] *Набирал полную грудь воздуха и медленно выпускал его в продолжительном, дрожащем вое... И самая дрожь в голосе казалась несколько умышленною; и не кричал он бестолково, а выводил тщательно каждую ноту в этом зверином вопле, полном **несказанного ужаса и скорби*** [2, с. 395].

То же средство СН (*несказанный*) Л. Андреев употребляет при характеристике другого персонажа – террористки Муси. Молодая женщина держится мужественно, полагает, что отдает жизнь за человечество, считает, что жизнь не кончается вместе с земной оболочкой человека:

(6) *«Неужели? – думает Муся стыдливо. – Неужели я достойна? Достойна того, чтобы обо мне плакали люди, волновались, обо мне, такой маленькой и незначительной?» / И **несказанная радость** охватывает ее* [2, с. 405].

Таковы функции средств СН в повести Л. Андреева.

IV

Кроме того, как показал анализ, элементы поля невыразимого в повести (*несказанный; нет названия*) употребляются и диффузно, т. е. как интенсификаторы. СН, будучи функционально-семантической категорией, обнаруживает взаимодействие с семантикой предельно высокой концентрации качества. На периферии полей обнаруживается их пересечение и переход друг в друга – «наложение».

В научной литературе представлены ряд указаний на то, что элементы поля невыразимого способны передавать значение предельно высокой концентрации качества. Так, фольклорные формулы типа *ни в сказке сказать ни пером описать* И. Б. Голуб в учебнике по стилистике русского языка называет неопределенными сравнениями, отмечая, что эти сравнения выражают высокую оценку, степень описываемого без конкретного образного воплощения [5].

В монографии литературоведа Е. Г. Эткинда по психопоэтике русской литературы XVIII–XIX вв. сказано: «Отметим несколько важнейших для Лермонтова слов-понятий. «*Неизъяснимое волненье*»: этот эпитет может значить и «огромное»; однако здесь он употреблен в прямом смысле – чувство внезапной любви, родившееся в Демоне, *изъяснить словами* нельзя» [11, с. 89]. Ученый верно заметил, что значение предельно высокой концентрации качества является производным от прямого значения 'невозможно выразить'.

Вероятно, частое применение элементов поля СН в сочетании с лексемами, обозначающими внутренний мир человека (чувства, мысли, ощущения – то, что действительно представляет трудность для выражения), в дальнейшем сделало такие сочетания клишированными.

В результате произошла десемантизация элементов поля невыразимого, в ряде случаев вместо значения невыразимости они приобрели значение предельно высокой концентрации качества, стали своеобразной фигурой речи, см., пример стертой гиперболической метафоры:

Слов нет, как тебя люблю! В примере актуализировано значение, которое содержит компоненты 'люблю' и 'чувство обладает предельно высокой концентрацией качества'.

О семантике невыразимого Г. С. Сырица замечает, что «характерной особенностью этой лексики является использование ее в качестве интенсификаторов семантики» [9, с. 294].

Рамки статьи не позволяют охарактеризовать факторы, которые способствуют миграции элементов поля невыразимого в поле предельно высокой концентрации качества. Ограничимся указанием на то, что в повести актуализация семантики интенсификации обусловлена тем, что элемент поля невыразимого сочетается с лексемой, обозначающей чувство или эмоцию, например:

(7) *Еще раз, кроваво вспыхнув, сказала угасающая мысль, что он, Васька Каширин, может здесь сойти с ума, испытать муки, для которых нет названия, дойти до такого предела боли и страдания, до каких не доходило еще ни одно живое существо...* [2, с. 416].

Сочетание значений невыразимого и предельно высокой концентрации качества представлено в (5), (6).

V

Исследователи отмечают, что в художественных текстах элементы СН нередко сопровождаются лексемами, обозначающими загадку, тайну; о взаимодействии невыразимого с семантикой тайны загадки см.: [9]. В художественном пространстве повести Л. Андреева в ближайшем окружении элементов СН лексемы с семантикой тайны/загадки не наблюдаются. Между тем в повести подобные языковые единицы представлены, они усиливают функцию антитезы жизни – смерти, актуализированной в повести, функцию организации содержательно-концептуальной информации. Те же задачи решаются в повести при помощи сквозного эпитета *неведомый*, напр.:

(8) [Девятнадцатилетняя террористка Муся перед казнью] *Точно отошла она уже от земли и приблизилась к неведомому солнцу правды и жизни и бесплотно парит в его свете* [2, с. 405];

(9) [Террорист Сергей Головин в камере смертников] *И не в том было мучение, что видна смерть, а в том, что сразу видны и жизнь и смерть. Святотатственной рукою была отдернута завеса, сызвека скрывающая тайну жизни и тайну смерти, и они перестали быть тайной, – но не сделались они и понятными, как истина, начертанная на неведомом языке* [2, с. 412].

Мир инобытия особенно отчетливо передается при помощи эпитета *неведомый* в описании состояния Василия Каширина, пока его не схватили власти:

(10) *Пока он сам, своею волею, шел на опасность и смерть... ему было легко и весело даже... И, идя по улице, среди суетливых, будничных, озабоченных своими делами людей, торопливо спасающихся от извозчичьих лошадей и трамвая, он казался себе пришельцем из иного, неведомого мира, где не знают ни смерти, ни страха* [2, с. 412].

(11) [После повешения] *Складывали в ящик трупы. Потом повезли. С вытянутыми шеями, с безумно вытаращенными глазами, с опухшим синим языком, который, как неведомый ужасный цветок, высовывался среди губ, орошенных кровавой пеной – плыли трупы назад, по той же дороге, по которой сами, живые, пришли сюда* [2, с. 435].

Сквозной эпитет повести *неведомый* актуализирует антитезу жизни – смерти и содержательно-концептуальную информацию, является в повести символом инобытия. Заметим, что

в пространстве повести нами встречено употребление эпитета *неведомый*, сходное по семантике со словами СН, например, *невыразимый*, но в значении предельно высокой концентрации качества:

(12) [Янсон, не террорист, но приговоренный к повешению преступник, эстонец-батрак; до совершения преступления служил кучером, напиваясь пьяным, жестоко избивал лошаденку] *А чаще даже и не пел, а молчал, крепко стиснув зубы от наплыва неведомой ярости, страданий и восторга, неся вперед и был как слепой: не видел встречных, не окрикивал, не замедлял бешеного хода ни на заворотах, ни на спусках* [2, с. 383].

VI

Завершая характеристику бытования средств передачи СН в художественном пространстве повести Л. Андреева, заметим, что в этом произведении представлены как синтетические, так и аналитические средства передачи значения невыразимого, при этом данные средства выполняют в тексте важные функции – характерологическую, актуализации содержательно-концептуальной информации, средств выразительности, в частности, антитезы. План выражения СН распространяется на пять из семи персонажей повести, наиболее частотно представлен при описании персонажа Василия Каширина. Возникновение средств передачи СН в художественном пространстве повести обусловлено постановкой автором важных проблем предназначения человеческой жизни, взаимодействия понятий жизни и смерти.

Литература

1. Абрамова В. И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 233 с.
2. Андреев Л. Н. Рассказ о семи повешенных // *Повести и рассказы*. Куйбышев: Куйбышевск. изд-во, 1981. С. 373–436.
3. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. М.: АСТ, 2010. 192 с.
4. Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: URSS, 2007. 139 с.
5. Голуб И. Б. *Стилистика русского языка*. 11-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2010. 448 с.
6. Гончаров С. А. *Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте*. СПб., 1997. 340 с.
7. Иवानян Е. П. *Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке*. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2015. 328 с.
8. Синцов Е. В. *Природа невыразимого в искусстве и культуре*. Казань: Фэн, 2003. 304 с.
9. Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // *Славянские языки и культуры в современном мире*. М.: МГОУ, 2009. С. 294–295.
10. Сырица Г. С. *Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект*. М.: ФЛИНТА, 2014. 160 с.
11. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: *Очерки психопэтики русской литературы XVIII–XIX вв.* М., 1998. 448 с.
12. Kita M. Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego // *Stylistyka XI*. Opole, 2002. S. 101–119.
13. Korolko M. *Sztudika retoryki. Przewodnik encyklopedyczny*. Warszawa: Wiedza Powszchna, 1990. 342 s.
14. Lachmann R. The semantic construction of the void // *Gøgø: Exploring Absence*. Bloomington, IN: Slavica, 1999. P. 18–33.
15. Mikhailova M. Yu. *Expression of inexpressible: time of globalization. Chapter 7. Actual problems of the humanities: Monograph*. Vienna: East West, 2016. Vol. 3. Pp. 69–83.

Поступила в редакцию 18.10.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.4

Semantics of inexpressible in “The seven who were hanged” by L. Andreev

© M. Yu. Mikhailova

*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67 M. Gorky Street, 443099 Samara, Russia.*

Email: marinamikhailova44@gmail.com

The article is devoted to the functional-semantic category of inexpressible; its brief characteristics, the history of research in different countries and different sciences are given, the hierarchical organization of means of its expression is shown. The author of the article defines the specifics of the semantics of inexpressible in the story “The Seven Who Were Hanged” by L. Andreev. The semantics of inexpressible is described as the functional-semantic category. The description of the analytical and synthetic multi-level transmission means of semantics of inexpressible is given: one-word, as part of indivisible combinations and in the word combinations that represent descriptive parts. Four significant results of studying the existence of elements of inexpressible in the analyzed novel have been defined. It was revealed that Andreev’s five of seven characters were marked with the markers of inexpressible. The following text function means of transmitting semantics of inexpressible were identified and characterized: characterological, actualization of content-conceptual information, actualization of means of expression, in particular, the antithesis; it was shown that this lexeme also actualizes the content-conceptual information and the antithesis of life and death in an art space story, is also a symbol of cross-cutting story. The interaction of semantics of inexpressible with the lexeme indicating the world of otherness – the unknown – was also revealed. The hypothesis is proved that the actualization of means of transmitting of semantics of inexpressible is due to the tasks posed in the story revealing the most important challenges of human’s life purpose, the interaction of life and death.

Keywords: semantics of inexpressible, functional-semantic category, the antithesis, the lexeme “unknown”, world of otherness.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Mikhailova M. Yu. Semantics of inexpressible in “The seven who were hanged” by L. Andreev // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 6. Pp. 573–579.

References

1. Abramova V. I. Motiv «nevyrazimogo» v russkoi romanticheskoi kartine mira: ot V. A. Zhukovskogo k K. K. Slu-chevskomu: dis. ... kand. filol. n. Moscow, 2007.
2. Andreev L. N. *Povesti i rasskazy*. Kuibyshev: Kuibyshevsk. izd-vo, 1981. Pp. 373–436.
3. Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat [Logical-philosophical treatise]*. Moscow: AST, 2010.
4. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [The text as object of linguistic study]*. Moscow: URSS, 2007.
5. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka. 11 ed. [Stylistics of the Russian language. 11th ed.]* Moscow: Airis-Press, 2010.
6. Goncharov S. A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste [The works of Gogol in the religious-mystical context]*. Saint Petersburg, 1997.
7. Ivanyan E. P. *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke. 2 ed. [The semantics of reticence and the means of its expression in the Russian language. 2nd ed.]* Moscow: FLINTA, 2015.
8. Sintsov E. V. *Priroda nevyrazimogo v iskusstve i kul'ture [The nature of inexpressible in art and culture]*. Kazan': Fen, 2003.

9. Syritsa G. S. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire*. Moscow: MGOU, **2009**. Pp. 294–295.
10. Syritsa G. S. *Aktualizatsiya avtorskikh smyslov v khudozhestvennom tekste. Lingvopoeticheskiy aspekt [The actualization of the author's meaning in a literary text. Linguopoetics aspect]*. Moscow: FLINTA, **2014**.
11. Etkind E. G. «Vnutrennii chelovek» i vneshnyaya rech': *Ocherki psikhopoetiki russkoi literatury XVIII–XIX vv. [“Inner human” and outer speech: Essays on psychopoetics of the Russian literature of the 18th-19th centuries.]* Moscow, **1998**.
12. Kita M. *Stylistyka Khl*. Opole, **2002**. Pp. 101–119.
13. Korolko M. *Sztudika retoryki. Przewodnik encyklopedyczny*. Warszawa: Wiedza Powszchna, **1990**.
14. Lachmann R. *Gøgøl: Exploring Absence*. Bloomington, IN: Slavica, **1999**. Pp. 18–33.
15. Mikhailova M. Yu. *Expression of inexpressible: time of globalization. Chapter 7. Actual problems of the humanities: Monograph*. Vienna: East West, **2016**. Vol. 3. Pp. 69–83.

Received 18.10.2016.